

Александр Маттерн

Лесно-Карамышское центральное училище

Лесно-Карамышское центральное училище было основано в 1868 г., а в 1919 г., наряду со всеми другими учебными заведениями повышенного типа тогдашней Области немцев Поволжья, преобразовано в школу 2-й ступени общего для РСФСР типа. Поскольку это училище посещали очень многие сельские учителя, писари и другие чиновники нашей республики, я хочу попытаться представить обзор его достижений.

Два центральных училища наших поволжских колоний – Екатериненштадтское и Лесно-Карамышское – хорошо известны читателю, как учебные заведения, выпускавшие учителей, писарей, шульмейстеров. Поскольку, однако, Екатериненштадтское центральное училище было образовано в 1857 г., а Лесно-Карамышское – лишь в 1868 г., то возникает вопрос, откуда брались учителя в течение первого столетия нашего пребывания на Волге. История поволжских колоний свидетельствует, что царское правительство в лице Конторы иностранных поселенцев наряду с духовенством, управлявшим тогда школами, не предпринимали шагов по подготовке учителей. Последствия того можно себе представить.

Первое поколение колонистов назначало учителями образованных людей из собственных рядов. Ученики этих учителей были, естественно, подготовлены уже слабей, чем первые учителя. Поскольку, однако, и в это время еще не существовало специальных заведений для подготовки учителей, то нужно и можно было назначать опять же только учеников учеников первых учителей. Однако образование последней группы соответствовало уже больше познаниям пастушка, чем образованию учителя.

Так, в результате головоотяпства Конторы и ретроградных взглядов духовенства, образование в наших колониях к 30-м годам XIX века пришло в полный упадок, на что обратил внимание даже тогдашний русский губернатор. В 1833 г. он направил Министерству внутренних дел соответствующий доклад об этом положении, в результате чего еще в том же году были созданы две окружные школы – одна в Екатериненштадте, другая в Лесном Карамыше (Гримме). Высший надзор над этими школами осуществлял главный судья Конторы, руководство школами на местах было поручено в Лесном Карамыше пастору Конради, а в Екатериненштадте – пастору Вальбергу.

Наряду с руководителем, в каждую из этих двух школ было назначено по два учителя, которые должны были преподавать русский язык и арифметику (до

дробей). История и география не были тогда обязательными предметами, они могли преподаваться или не преподаваться в зависимости от желания учителей. Курс обучения продолжался 5-6 лет. Учителями в этих школах были обычно бывшие чиновники Конторы или иммигранты из Прибалтики.

Достижения этих двух окружных школ под руководством пасторов были, надо полагать, не из лучших, поскольку вскоре руководство школами было у них изъято и поручено окружным управлениям или частным лицам. В 1854 г. тогдашний управляющий Конторой Фрезе высказался об этих школах следующим образом:

«Пока руководство окружными школами было поручено священникам Екатериненштадта и Лесного Карамыша, эти заведения неудержимо шли к разложению».

Две окружные школы были в 1857 г. объединены в одну, причем Лесно-Карамышская была переведена в Екатериненштадт, так что Нагорная сторона еще на десятилетие осталась без такого учебного заведения. Причина распада Лесно-Карамышской окружной школы, видимо, состояла в том, что учителя, назначенные туда, вели себя ниже всякой критики (предавались пьянству, карточной игре, распутству), а преподавали, должно быть, еще хуже, из-за чего родители просто не отдавали своих детей в школу, так что она существовала только на бумаге, и именно поэтому ее пришлось закрыть.

Объединенная школа получила теперь название «Екатериненштадтское русское центральное училище», которое она носила до конца своего существования. Прежняя программа окружных школ была теперь расширена за счет введения истории и географии, были введены также упражнения в игре на органе. Для объединенных прежних окружных школ было возведено и соответствующее здание, в котором новая школа размещалась вплоть до своего преобразования.

Однако одно училище никак не могло выпустить нужное количество учителей, шульмейстеров и писарей. Это, должно быть, вскоре осознано правительством. Поэтому нам известно, что Контора иностранных поселенцев получила распоряжение от 5 августа 1866 г. о создании на Нагорной стороне школы, аналогичной Екатериненштадтскому центральному училищу, под названием «Лесно-Карамышское центральное училище». Эта школа была затем создана и открыта в 1868 г. На содержание этой школы предназначались 65000 руб. из переселенческого капитала и 35000 руб. для постройки здания.

Учебное здание Лесно-Карамышского центрального училища – 2-этажный дом – расположено в центре села, на Рыночной площади. При школе имеется большой двор, на котором слева и справа от школьного здания находятся два дома, в которых находятся квартиры для 4-х учителей. В задней части двора размещены хозяйственные постройки: сарай, дровяной склад, амбары, погреба для учителей, баня и другие помещения. Вообще нужно сказать, что эта школа

была построена по очень хорошему плану: здесь для учителей и учеников все удобно и целесообразно. У этой школы 4 класса, она с самого начала была рассчитана на 150 учеников.

Программа была той же, что в Екатериненштадтском центральном училище, только для учеников старшего класса были предусмотрены еще методические упражнения по русскому языку и арифметике. Учебный курс продолжался 6 лет, так что ученики учились в каждом классе по 1,5 года. До 1889 г. обучение частично велось на немецком языке; с тех пор стали требовать, чтобы все предметы преподавались на русском языке. Исключение составляли лишь религия и немецкий язык.

Согласно Постановлению правительства от 5 августа 1866 г., все учителя должны были иметь высшее или, по крайней мере, среднее образование. В последнем случае они должны были еще сдать специальный учительский экзамен по своему предмету. Однако за 50 лет туда не поступил ни один учитель с высшим образованием, и даже среднее образование имели далеко не все учителя, работавшие там.

В первые годы после возобновления деятельности Лесно-Карамышского центрального училища туда опять направлялись в качестве учителей представители и избранники Конторы. С ними в стенах превосходного школьного здания угнездился и прежний образ жизни: пьянство, карточная игра, распри и другие мещанские пороки. Первые учителя меньше всего думали о культурной работе здесь. Соответственным было и отношение населения к этой школе: оно просто не посылало в нее учеников или посылало их очень мало.

Лучшую репутацию училище приобрело лишь во второй половине 80-х годов, когда учителями стали назначаться почти одни выходцы из среды самих колонистов. После этого число учеников вскоре достигло установленного количества в 150 человек и даже превзошло его, так что удавалось принять далеко не всех, претендовавших на это. Я могу сообщить по собственным наблюдениям, что в последние предвоенные годы там нередко бывали ученики, которые происходили из отдаленных сел Луговой стороны и которым было бы ближе поехать в Екатериненштадтское центральное училище; порой туда привозили даже учеников из Астрахани, с Кавказа и из других удаленных мест. Это обстоятельство заинтересовало меня, так что я расспрашивал о причине дальних и обременительных поездок. Ответ родителей обычно гласил, что они сами учились здесь и могут доверить своих детей только этой школе. При еще более близком рассмотрении выяснялось, что родители, приехавшие издалека, как бывшие ученики центрального училища сохранили глубокое уважение к школьному директору – Карлу Петровичу Доршу.

Осведомившись о составе учителей Лесно-Карамышского центрального училища, мы вскоре увидим, что действительно обязаны не кому иному, как К.П. Доршу, тем, что школа приобрела такой авторитет среди наших

сограждан. К.П. Дорш непрерывно был ее директором с 1886 г. вплоть до преобразования школы. До него у школы с момента основания было лишь 2 директора. Первым был выходец из прибалтийских губерний Экк, руководивший школой с 1868 г. до 1876 г.; его сменил Мюльберг, также прибалтиец, работавший здесь с 1876 г. до 1886 г.

Дорш был назначен учителем в 1882 г., а уже через 4 года – директором училища.

Среди учителей Лесно-Карамышского центрального училища заслуживает упоминания Готлиб Бауэр, автор «Истории немецких поселенцев на Волге» (издана в типографии «Энергия» – Саратов, 1908 г.). Далее там был молодой учитель из колонистов – Зиннер, преподававший русский язык. Он был однажды (в 1881 г.) обнаружен мертвым в своей квартире, отравленный мышьяком. Было заподозрено уголовное преступление, оставшееся нераскрытым. Предполагается, что несколько пьяниц из числа учителей вместе с неким фельдшером таким способом устранили его как конкурента по любовной афере. Оргии, имевшие место за стенами центрального училища, видимо, достигли в этом случае своего апогея.

Из учителей, работавших во времена Дорша, я всегда слышал больше всего похвал по адресу учителя математики Карла Адамовича Ш м и д т а. Я, как его преемник там, могу подтвердить, что ученики в то время обладали превосходными познаниями в математике. Учитель Шмидт проработал в центральном училище более 20 лет. Его недостатком было то, что он довольно крепко пристрастился пить, видимо, по примеру своих предшественников. В качестве второго умелого учителя, хотя и с неуживчивым характером, мне всегда называли учителя русского языка Карла Егоровича Ф р и т ц л е р а. Он тоже проработал там около 20 лет. Далее я хотел бы упомянуть учителя более поздних времен Юлиуса Ю н г а, преподававшего немецкий язык и умевшего прививать ученикам превосходные знания. Жаль, что сейчас он пытается снискать себе почести в роли кооператора, хотя несомненно является рожденным педагогом!

Давайте теперь еще представим достижения Лесно-Карамышского центрального училища с помощью нескольких цифр! За период с 1868 г. по 1916 г. было принято 3427 учеников, из которых, однако, лишь 368 получили аттестат зрелости. Большая разница между численностью принятых учеников и выпускников объясняется тем, что в первые десятилетия лишь очень немногие ученики посещали школу до конца. Поскольку школа имела очень незавидную репутацию, то родители обычно забирали своих детей досрочно. В последующем эта причина исчезла, но в то же время возникло другое обстоятельство: стали предъявляться слишком высокие требования к владению русским языком; в результате многим ученикам приходилось повторно оставаться в том же классе, из-за чего уходило также немалое количество. К этим двум причинам добавляется еще то обстоятельство, что село Гримм

(Лесной Карамыш) обычно давало самый высокий процент (треть) всех принятых, из которых, однако, редко кто посещал школу до конца. Крестьяне считали перспективу учительского или писарского занятия малоодоходной и обычно забирали своих детей после конфирмации. Именно гриммцы также обычно слабее всего владели русским языком, поскольку мальчики все время жили у своих родителей и никогда не получали здесь возможности поупражняться в русской речи.

По своей будущей профессии 368 выпускников школы распределяются примерно так: 200 стали учителями, 100 шульмейстерами, 68 писарями или конторскими служащими. Однако и значимость оставшихся 3059 учеников, посещавших центральное училище, хотя и не до конца курса, для культурной работы в колониях ни в коем случае не следует недооценивать. Они по уровню своего образования распределяются приблизительно следующим образом: 559 ушли из 3-го или 4-го класса, примерно 1000 из 2-го и 1500 из 1-го. Из упомянутых первыми 559 человек большинство несомненно стали еще колониетскими писарями, многие шульмейстерами, а немалое число – и учителями. Другие ушли отсюда раньше времени, чтобы продолжить учебу в средней школе. Итак, вместе с ними все же получается солидное число в почти 1000 человек с примерно 4-классным образованием, которых дало Лесно-Карамышское центральное училище нашим колониям в течение полувека.

По профессии своих родителей они были большей частью сыновьями учителей, шульмейстеров, писарей, торговцев. Крестьянские сыновья из других мест поступали сюда лишь в редких случаях, тогда как гриммцы, напротив, были почти исключительно сыновьями крестьян и рабочих (текстильщиков и деревообделочников).

Если же я, как бывший ученик Екатериненштадтского центрального училища и затем учитель в Лесно-Карамышском центральном училище, предприиму теперь еще сравнение между двумя училищами, то для меня несомненно, что Лесно-Карамышское училище было по уровню гораздо выше Екатериненштадтского. Ученики Лесно-Карамышского училища осваивали русский язык, хотя в этом селе вообще нет русского населения, все же гораздо лучше екатериненштадтцев, которые благодаря смешанному населению имели намного больше возможностей упражняться в русском.

Это превосходство было достигнуто за счет того, что большинство учеников проводили лето в русских селах, к чему их настоятельно побуждало руководство школы. Исключение из этого правила составляли только гриммские ученики, родители которых никогда не отправляли туда своих детей, что, как правило, проявлялось и в том, что они всегда отставали от других учеников по русскому языку.

Здесь очень помогало также еще одно обстоятельство: приезжие ученики жили по 3-5 человек вместе на частных квартирах, где школьное руководство тоже приучало их говорить друг с другом только по-русски (кто дома говорил по-немецки, должен был чистить сапоги остальным или выполнять другую аналогичную работу). И в школе ученикам было разрешено говорить на переменах только по-русски. На первый взгляд, это выглядит таким образом, будто здесь проводилась скрытая русификация; однако это было вовсе не так. Несмотря на эти строгие требования в отношении изучения русского языка, немецким языком отнюдь не пренебрегали.

Ученики Лесно-Карамышского центрального училища имели такие превосходные познания в немецком языке, что с ними наверняка не смог бы сравниться ни один ученик Екатериненштадтского центрального училища. Такое же сравнение я мог бы провести в отношении любой учебной дисциплины, все время приходя к тому же выводу, что уровень Лесно-Карамышского центрального училища был выше, его ученики имели более широкие и основательные познания, чем екатериненштадтцы. Отношения между учителем и учеником здесь также были намного проще и естественней, чем в Екатериненштадтском центральном училище, где учителя и ученика разделяла толстая стена – не более и не менее. Там ученики просто боялись учителя, в особенности же директора школы Федулова, перед которым все замирало и трепетало, когда он ступал ногой в класс или хотя бы проходил по коридору. Нечто подобное едва ли кто будет утверждать о Лесно-Карамышском центральном училище.

Однако у Лесно-Карамышского центрального училища были и другие достижения. Так, здесь несколько десятилетий существовало ученическое общество по борьбе с алкоголем, курением, половым развратом и распутством среди школьной молодежи. Общество было хорошо организовано, так что еженедельно проводились собрания, читались рефераты, проходили доклады и дискуссии. Обществом было издано также несколько брошюр, которые печатались за его же счет и распространялись бесплатно, главным образом среди молодежи. Из этих брошюр мне известны следующие: 1) Алкоголь; 2) Табак; 3) Вино – это яд; 4) Об умеренном потреблении вина; 5) Напоминание пьющим и непьющим (плакат); 6) Напоминание матерям об алкоголе (плакат).

Кроме того, школьниками и крестьянским населением высаживались деревья, для чего устраивались специальные праздники. Правда, этот опыт не увенчался успехом из-за равнодушия населения, что, однако, не умаляет значимости инициативы.

Душой этой работы был, естественно, К.П. Дорш. По его инициативе в селе была открыта чайная, содержавшаяся Обществом по борьбе с алкоголизмом из Камышина. Здесь с 1903 г. дважды в неделю устраивались представления и вечера досуга для взрослого крестьянского населения. Кроме того, чайная имела

собственную библиотеку из 700 книг, получала немецкие газеты; каждый вечер выдавались для времяпрепровождения шашки и шахматы.

Да будет мне еще позволено после этого обзора культурных достижений Лесно-Карамышского центрального училища кратко описать биографию человека, которому мы главным образом обязаны этой работой. К.П. Дорш происходит из колонии Шваб (Буйдаков Буерак); родился он 22 марта 1862 г. в Гольштейне, где его отец был окружным писарем. Он посещал реальное училище в Камышине; после окончания этого училища он год пробыл дома и в 1882 г. был назначен учителем Лесно-Карамышского центрального училища, где преподавал естествознание, географию и историю. В первые годы своей деятельности он частично попал под влияние своего окружения: он тоже приучился пить и играть в карты, однако вскоре опомнился и стал самым решительным противником алкоголя, карточной игры, всех видов пороков и пустого времяпрепровождения. После 4-х лет его деятельности в качестве учителя случилось так, что при проверке вся компания пьяниц была застигнута в центральном училище в нетрезвом состоянии; однако К.П. Дорш в пьянке не участвовал. Поскольку он и в остальном выделялся среди учителей как самый целеустремленный и энергичный, то его, 24-летнего, назначили после этой проверки директором училища, в качестве которого он проработал в училище около 40 лет. В молодые годы К.П. Дорш поначалу испытывал очень много трудностей при работе. Учителя не могли смириться с подчинением молодому коллеге, который к тому же решительно распрощался с пьянством и с той же решительностью стремился искоренить в школе этот порок. Эта его работа была не напрасной: многие его ученики и сегодня обязаны ему ясной позицией по этому вопросу. Я стал в этом вопросе его вернейшим учеником и последовательно придерживаюсь этой позиции по сей день.

В войну и революцию К.П. Дорш довольно сильно пострадал, иногда даже находился под угрозой смерти. Во время травли немцев в 1916 г. он был снят со своего поста, как немецкий националист. Поэтому он возглавил Бальцерскую частную гимназию, где проработал до 1918 г., а затем был вновь переведен на свой прежний пост.

Во время бандитских выступлений в 1918 г. и особенно в 1921 г. он оказался меж двух огней, так как обе противоборствующие силы, проходя через село, считали наиболее удобной стоянкой двор центрального училища. Так, бандиты хотели заставить его выступить в роли их агитатора, от чего он, однако, решительно отказался и подвергся за это аресту на 2 недели.

У красных частей он также вызвал подозрение, и только арест бандами спас ему жизнь. Среди крестьянского населения К.П. Дорш считается другом большевиков. В революционный период он действительно всегда выступал за любое культурно-прогрессивное обновление.

Так он, бесстрашный и неутомимый, и сегодня находится на своем посту, хотя и не во всем соответствуя требованиям новой школы, однако ничуть не

отставая от других людей нашего времени. Здоровье у него еще очень крепкое, что он сам, как и врачи, приписывают только его воздержанному образу жизни (он последовательный вегетарианец).

И в этом отношении К.П. Дорш имеет немалые заслуги перед нашим населением. Многим он, сведущий в лечении природными средствами, помог соответствующими советами восстановить здоровье, когда уже казалось, что все надежды утрачены. Вознаграждения за эти советы он никогда не брал, хотя у него нередко бывали крупные неприятности, т.к. медики враждовали с ним по этому поводу и даже привлекали его к суду. Но он все же не падал духом из-за этого и стойко остается при своем мнении, что лишь посредством возврата к естественному образу жизни может быть достигнуто подлинное оздоровление нашего народа.

По моему глубочайшему убеждению, в лице К.П. Дорша, имеющего за собой достижения, с которыми едва ли может сравниться другое лицо в нашей области, мы имеем культурную силу первого ранга. Если поискать героев труда, заслуживающих занесения на красную доску, то первым я бы назвал Карла Петровича Д о р ш а.

„Unsere Wirtschaft“, 1924, Nr. 3, S. 72-75, 107-109.

Перевёл Виктор Дизендорф
Октябрь, 2011 г.